

ТЕКСТЫ ДЛЯ РАЗБОРА

Л. Н. Толстой: Акула

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный. С моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась. Стало душно.

Перед заходом солнца капитан вышел на палубу и крикнул: „Купаться!“ Матросы быстро попрыгали в море, спустили в воду парус и устроили в нём купальню.

На корабле с нами были два мальчика. Мальчики первые прыгнули в воду. Но им было тесно в парусе, и они решили плавать наперегонки в открытом море.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом начал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался своим сыном. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: „Не отставай! Вперёд!“

Вдруг на палубе кто-то крикнул: „Акула!“, и все мы увидели в воде её спину.

Акула плыла прямо на мальчиков.

„Назад! Назад! Вернитесь! Акула!“ – закричал артиллерист. Но ребята не слышали его. Они плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее, чем раньше.

Артиллерист побледнел и молча смотрел на детей.

Матросы бросились в лодку и что было силы поплыли к мальчикам. Но они были ещё далеко от них, а акула была уже на расстоянии двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видели акулы. Но потом один из них оглянулся, и мы все услышали громкий крик. Мальчики увидели акулу и поплыли в разные стороны.

Этот крик как будто разбудил артиллериста. Он побежал к пушке, повернул её ствол и прицелился.

Мы все замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и артиллерист упал около пушки и закрыл лицо руками. Что случилось с акулой и с мальчиками, мы не ви-

дели из-за дыма. Но когда дым рассеялся, со всех сторон раздался громкий радостный крик.

Старый артиллерист открыл глаза, встал и посмотрел на море. На волнах плавно качалась мёртвая акула.

Через несколько минут лодка с матросами подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

А. Приставкин: Рисунок

Саша был мой друг и жил через стенку. Я приходил к Саше, когда он, поторавливаемый нянькой, лениво доедал красный вишнёвый кисель. Ни киселя, ни няньки у меня не было. Злая старуха всегда гнала меня, а Саша, мягкий, розовый, зевал и шёл на послеобеденный отдых.

Однажды взрослые сказали, что Саша заболел опасной болезнью и что к нему нельзя приходить. Приезжал врач с чемоданчиком и, выходя от соседёв, качал головой: „Сложно. Очень сложно.“ Мама Саши прижимала ладони к щекам и смотрела на меня невнящими глазами.

Мне было жаль Сашу. Я пробирался на кухню и слушал, как за дощатой перегородкой с коричневыми обоями раздавался надрывный кашель. Однажды я нарисовал на листе бумаги солнце, траву и себя; кружочек головы, палочка туловища, а от него четыре веточки – две руки и две ноги. Потом я прошёл на кухню и, прислонясь к перегородке, прошептал:

– Саша, ты болеешь?

– ...олею, – донеслось до меня.

– На, держи. Для тебя нарисовал. – Я сунул в щель листок. С той стороны листок потянули.

– ...сйбо! ...

Кашлять за стеной перестали. Кто-то смеялся. Ну конечно, смеялся Саша. В тёмной комнате за занавешенным окном он понял по моему рисунку, что на улице солнце и тёплая трава. И что мне очень хорошо гулять. Потом я услышал, как он позвал маму и потребовал карандаш. Скоро из щели высунулся белый уголок. Я побежал в свою комнату. В моём рисунке было изменение: рядом с мальчиком стоял другой – кружочек головы, палочка туловища, а от неё четыре веточки ... Мальчик был изображён

красным карандашом, и я понял: это Саша. Он тоже хочет греться на солнце и ходить босиком. Я соединил жирной чертой руки-веточки двух мальчиков – это значит, они держались крепко за руки – и сунул лист обратно.

М. Пришвин: Ёж

Раз я шёл по берегу ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня и свернулся. Я прикоснулся к нему кончиком сапога. Он страшно фыркнул.

– А, ты так! – сказал я и спихнул его в ручей. Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ёжа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал – ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Положил я этот колбочий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно. Как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, попробовал идти туда, сюда. Выбрал себе, наконец, место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу. Ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И он пустился бегать по комнате.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна, и облака. А ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ёжику. Он так шнырял между ними, нюхал и почёсывал иголками мои сапоги.

Я прочитал газету, уронил её на пол, лёг в кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу – какой-то шелест в комнате. Я зажёл свечу и заметил, как ёж юркнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посредине комнаты. Я оставил гореть свечу, а сам не сплю, раздумываю: „Зачём ёжику газета понадобилась?“ Скоро мой жилец выбежал из-под кровати, – и прямо к газете. Вертелся возле неё, шумел, шумел и, наконец, надел себе как-то на колёчки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я понял его. Он тащил её себе для гнезда. Скоро ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Когда

он кончил это важное дело, он вышел из своего жилища, остановился против кровати и стал разглядывать свечу-луну.

Я спрашиваю:

– Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

– Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой. То налью воды в тарелку, то опять волью в ведро. И так шумлю, будто это ручеек.

– Ну, иди, иди, – говорю. – Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и воду приготовил ...

Смотрю: ёжик двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он движется – и я двигаю. Так мы и сошлись.

– Пей, – говорю.

И он стал лакать.

А я легонько по колёчкам рукой провёл – будто погладил, и говорю:

– Хороший ты, малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

– Давай спать.

Я лёг и задул свечу.

Не знаю, сколько я спал. Слышу: опять в комнате работа.

Зажигаю свечу. Ёжик бежит по комнате, а на колёчках у него яблоко. Прибежал в гнездо, оставил его там и за другим бежит в угол. А в углу стоял мешок с яблоками. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок и опять бежит. На колёчках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня ёжик. А сейчас, когда я пью чай, непременно его на стол беру. То молока ему налью – он выпьет, то булочки ему дам – он съест.

Н. Носов: Ступеньки

Однажды Пётя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

– А я уже считать умею! – похвастался Пётя. – В детском саду научился. Сейчас я все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Пётя громко ступеньки считает:

– Одна, две, три, четыре, пять ...

– Почему же ты остановился? – спрашивает Вáля.

– Погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню.

– Ну, вспоминай, – говорит Вáля.

Стояли они на лестнице, стояли. Пётя говорит:

– Нет, я так не могу вспомнить. Лучше начнём сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

– Одна, – говорит Пётя, – две, три, четыре, пять ...

И снова остановился.

– Опять забыл? – спрашивает Вáля.

– Забыл! Только что помнил и вдруг забыл! Ещё попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Пётя начал сначала:

– Одна, две, три, четыре, пять ...

– Может быть, двадцать пять? – спрашивает Вáля.

– Нет! только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

– Не хочу я сначала! – говорит Вáля. – Что это такое? То вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

– Не хочешь, не надо, – ответил Пётя. – А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Вáля пошла домой и говорит маме:

– Мама, Пётя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.

– А дальше шесть, – сказала мама.

Вáля побежала обратно к лестнице, а Пётя всё ступеньки считает:

– Одна, две, три, четыре, пять ...

– Шесть! – шепчет Вáля. – Шесть! Шесть!

– Шесть! – обрадовался Пётя и пошёл дальше. – Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то он так и не дошёл бы до дому, потому что научился считать только до десяти.

А. Приставкин: Б и н ó к л ь

Тóля Макеев был самым старшим в спальне детдомовских ребят. Витька был самый маленький. Все знали, что у Тóли Макеева есть довоенная вещь, которую он – как он сам сказал – не отдал бы ни за какое золото. Это – бинóкль. Ребята немного завидовали Тóле. А больше гордились, что вот у него есть вещь, которую он не отдал бы ни за какое золото.

У Витьки ничего не было. Мальчика привезли месяц назад из блокированного Ленинграда. Он был слаб от голода и лежал в постели. Хотя в детдоме мясо было редкостью, специально ему в первый день дали большой кусок мяса – солонины – и горячий суп. Вечером Витька спросил:

– Толь, а что такое солонина?

Тот задумался:

– Ну, это мясо такое редкое ... А что?

– Нам его ещё дадут?

Тóля посмотрел на Витькино белое лицо, присвистнул:

– Конечно! Солонина это, как бы тебе сказать, ну ... слонина. Слонá видел когда-нибудь? Сколько у него мяса!

Но мяса больше не приносили. Витька не поправлялся. Тóля Макеев каждый вечер приходил с лесозаготовок веселый и наклонялся над Витькой:

– Как здоровье, герой?

– Толь, а слонá ещё не поймали?

– Нет, – отвечал тот серьёзно. – Слон в лесу живёт. Его трудно найти.

Однажды утром Тóля достал свой знаменитый бинóкль и долго разглядывал его. Витька тоже смотрел.

– Толь, это зачем?

– А это, друг, не твоё дело. Сегодня иду сам на охоту за слонами. Пóнял?

В обед мальчику принесли снова мясо и горячий суп. А вечером пришёл Тóля, и Витька радостно спросил:

- Толь, значит, ты убил слона?
- Тот молча разобрал постель и полёз под одеяло.
- Убил, убил. Ты спи.
- А где бинóкль?
- Потерял. Понимаешь, пока по лесу ходил, потерял.
- Толь, а слон очень большой? – засыпая, спросил мальчик.
- Нам хватит его?
- Спи, чудак. Конечно, большой. До конца войны должен хватить, вот какой большой ...
- Витька крепко спал.

Л. Н. Толстой: Прыжок

Один корабль после плаванья возвращался домой. Погода была тихая. Все пассажиры были на палубе. По палубе бегала большая обезьяна и забавляла всех. Все смеялись.

Вдруг она подбежала к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, и сорвала с его головы шляпу. Обезьяна надела шляпу себе на голову и быстро взобралась на мачту. Все опять засмеялись, а мальчик не знал, смеяться ему или сердиться.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами рвать её. Она как-будто дразнила мальчика. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё. Но она ещё сильнее стала рвать шляпу.

Матросы стали смеяться громче. Тогда мальчик рассердился и бросился за обезьяной на мачту. Он быстро взобрался по верёвке на первую перекладину, но обезьяна ещё быстрее взобралась ещё выше. Мальчик полёз за ней. В одну минуту они добрались до самого верха мачты. Там обезьяна зацепилась ногой за верёвку, вытянулась во всю длину и повесила шляпу на край последней перекладины. Потом она влезла на верхушку мачты и оттуда дразнила мальчика.

От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было метра два. Поэтому, чтобы достать шляпу, надо было выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик забыл об опасности и ступил на перекладину.

На палубе все с интересом смотрели, что делали мальчик и обезьяна. Но когда увидели, что он выпустил верёвку и ступил

на перекладину, все замерли от страха. Если бы он поскользнулся, он бы насмерть разбился о палубу. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг внизу кто-то тихо крикнул от страха. Мальчик услышал этот крик, посмотрел вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты на палубу. Он нес ружьё, чтобы стрелять чаяк. Когда капитан увидел сына на мачте, он тотчас прицелился в него и закричал: „Прыгай в воду! Застрелю!“ Мальчик шатался, но не понимал. „Прыгай! Раз, два ...“ Как только отец крикнул: „Три“, – мальчик прыгнул вниз.

Как камень упал мальчик в воду. И сейчас же несколько матросов прыгнули с корабля в море. Секунд через сорок вынырнуло тело мальчика. Матросы схватили его и вытащили на корабль. Через несколько минут у мальчика изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал и убежал в свою каюту, чтобы никто не видел, как он плачет.

М. Пришвин: Журка

Однажды поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он её проглотил. Дали другую – проглотил. Третью, четвертую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

– Умница! – сказала моя жена и спросила меня: – А сколько он может съесть их? Десять может?

– Десять, – говорю, – едва ли ...

Подрезали мы этому журавлю крылья. И стал он за женой всюду ходить. Привыкла к нему жена, как к своему ребёнку. И без него ей уже скучно. Если нет его, она только крикнет: „Фру-фру!“, и он к ней бежит. Такой умница! Так живёт у нас журавль. А подрезанные крылья его всё растут и растут.

Раз пошла жена за водой вниз, к болоту. Журка за ней. Небольшой лягушонок сидел у колодца и прыгнул от Журки в болото. Журка за ним. А вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Взмахнул крыльями Журка и вдруг полетел. Жена вскрикнула – и за ним. Взмахнула она руками, а подняться не может. И в слёзы, и к нам: „Ах, ах, горе какое!“ Мы все прибежали

к колодцу. Видим – Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

– Фру-фру! – кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

– Фру-фру!

И такой умница! Как только услышал он это наше „фру-фру“, сейчас взмахнул крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять – проглотил, двадцать и тридцать. Так и проглотил за один раз сорок три лягушки.

Л. Н. Толстой: Два товарища

Два товарища шли по лесу. Вдруг навстречу им вышел медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Он вспомнил, что медведи не трогают мертвых, упал на землю и притворился мертвым. Медведь подошел к нему, а он и дышать перестал. Медведь обнюхал его лицо и отошел.

Когда медведь ушел, первый товарищ слез с дерева и спросил: „Что тебе медведь на ухо сказал?“ Второй товарищ ответил: „Медведь сказал мне, что плохие те люди, которые в опасности от товарищей убегают.“

А. Приставкин: Фотографии

Мы жили далеко от дома, я и моя сестренка, которой было шесть лет. Чтобы сестренка не забывала родных, раз в месяц я приводил её в нашу холодную спальню, сажал на кровать и доставал конвертик с фотографиями.

– Смотри, Люда, вот наша мама. Она дома, она сильно болеет.

– Болеет ... – повторяла девочка.

– А это наш папа. Он на фронте, фашистов бьёт.

– Бьёт ...

– Вот это тётя. У нас неплохая тётя.

– А здесь?

– Здесь мы с тобой. Вот это Лидочка. А это я.

И сестренка хлопала в крошечные синеватые ладошки и повторяла: „Людочка и я. Людочка и я ...“

Из дому пришло письмо. Чужой рукой было написано о нашей маме. И мне захотелось бежать из детдома куда-нибудь. Но рядом была моя сестренка. И следующий вечер мы сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели фотографии.

– Вот наш папа, он на фронте, и тётя, и маленькая Людочка.

– А мама?

– Мама? Где же мама? Наверное, затерялась ... Но я потом найду. Зато смотри, какая у нас тётя.

Шли дни, месяцы. В морозный день, когда подушки, которыми затыкали окна, покрывались пыльным инеем, почтальонша принесла маленький листок. Я держал его в руках, и у меня мерзли кончики пальцев. И что-то коченело в животике. Два дня я не приходил к сестренке. А потом мы сидели рядом, смотрели фотографии.

– Вот наша тётя. Посмотри, какая у нас удивительная тётя! Просто замечательная тётя. А здесь Людочка и я ...

– А где же папа?

– Папа? Сейчас посмотрим.

– Затерялся, да?

– Ага. Затерялся.

И сестренка переспросила, подымая чистые испуганные глаза:

– Насовсём затерялся?

Шли месяцы, годы. И вдруг нам сказали, что детей возвращают в Москву, к родителям. Нас обошли с тетрадкой и спросили, к кому мы собираемся ехать, кто у нас есть из родственников. А потом меня вызвала завуч и сказала, глядя на бумаги:

– Мальчик, здесь на некоторое время остаётся часть наших воспитанников. Мы оставляем и тебя с сестренкой. Мы написали вашей тёте, спрашивали, может ли она вас принять. Она, к сожалению ...

Мне зачитали ответ.

В детдоме хлопали двери, сдвигались в кучу топчаны, скручивались матрацы. Ребята готовились в Москву. Мы сидели с сестренкой и никуда не собирались. Мы разглядывали фотографии.

– Вот Любочка. А вот я.

– А ещё?

– Ещё? Смотри, и здесь Любочка. И здесь. И меня много. Ведь нас очень много, правда?

Л. Н. Толстой: Отец и сыновья

Отец всегда говорил сыновьям, чтобы они жили дружно, но они не слушались его. Однажды он велел принести веник и говорит: „Сломайте!“ Они долго старались, но сломать не могли. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья. Отец сказал: „Так и вы, если будете ссориться и всё делать врозь, то всякий вас легко погубит.“

А. Приставкин: Буква „К“

У Славы Галкина не было ни отца, ни матери. Ему было восемь лет, он жил в детдоме и учился в школе. Фамилия его учительницы была Галина. Всем ученикам родители давали с собой вкусные завтраки, а Славке никто не давал. И Славка иногда на уроках мечтал, что он вовсе не Галкин, просто ошиблись где-то и поставили лишнюю букву. А фамилия у него такая же, как у его учительницы, и он Вячеслав Галин. Но фамилии ведь исправлять нельзя, и Славка только мечтал об этом. И ещё мечтал, что если бы всё было именно так, то учительница оказалась бы его мамой и давала бы ему в школу свертки с завтраками. И Славка чуть-чуть недолюбливал букву, которая разбивала всю его мечту. И потихоньку пропускал её. А в диктантах за ошибки ему ставили двойки. Однажды учительница очень рассердилась. Она сказала:

– Почему ты, Галкин, пропускаешь в словах букву? Никто не делает таких странных ошибок. Смотри, что ты написал: „Светило жарое солнце, и мы пошли упаться на речу.“ Это просто непонятно. Завтра перед уроком зайдешь ко мне.

И Славка пошел к учительнице. Та продиктовала ему диктант, прочла слова с пропущенной буквой „к“ и рассердилась. А потом почему-то спросила о родителях. Велела заходить ещё. Но главное, вернула ему в газету завтрак.

Слава стремительно летел в школу. В перерыв он не вышел в коридор, как делал обычно, а достал свой завтрак, хотя совсем не хотел есть.

Когда учительница проверяла новый диктант, она задержалась на работе Славы. В диктанте не было ни единой ошибки. И все буквы „к“ стояли на своих местах. Ошибка оказалась только в одном слове. Было подписано: В. Галин.

Но учительница, наверное, не заметила этой ошибки.